

Т.Г.ИВАНОВА

РУССКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА В НАЧАЛЕ XX века

Начало нашего столетия вошло в историю как “серебряный век” русской культуры. Реализм, символизм, акмеизм, футуризм – эти литературные направления сосуществовали в России того времени, переплетаясь, скрещиваясь, но неизменно обогащая одно другое. Тот же полифонизм мы видим и в живописи, и в музыке, и на театральных подмостках. Это явление культуры предреволюционной эпохи в определенной мере свойственно и науке, в частности фольклористике. Именно такие качества, как многообразие, полифония, плюрализм, на наш взгляд, являются главными в характеристике науки об устном народном творчестве начала XX в.

Идея множественности и разнообразия буквально пронизывает все аспекты фольклористики того времени. Прежде всего это сказывается на организационном уровне. Если в середине XIX в. практически единственным центром, объединяющим усилия фольклористов, было Русское географическое общество (РГО), то для конца XIX – начала XX в. мы можем назвать десятки учреждений, связанных с фольклористикой. В самом РГО появляются Песенная (1885 г.) и Сказочная (1896 г.) комиссии, оставившие заметный след в развитии науки. Фольклористика постепенно завоевывала прочное место в местных региональных отделах Географического общества.

Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАиЭ) при Московском университете, благодаря председателю Этнографического отдела В.Ф.Миллеру, к концу XIX в. становится вторым мощным фольклористическим центром в России. В университетских городах фольклористика сосредоточивается в научных обществах, аналогичных по своей сути и статусу ОЛЕАиЭ: в Киеве – Историческое общество Нестора-летописца; в Харькове – Харьковское историко-филологическое общество; в Казани – Общество археологии, истории и этнографии. Кроме этого, можно назвать Московское археологическое общество, Уральское общество любителей естествознания, Архангельское общество изучения Русского Севера, губернские статистические комитеты, ученые архивные комиссии и др.

Наконец, нельзя не отметить, что Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук по своему статусу могло бы претендовать на роль лидера в изучении фольклора, но таковым на самом деле не являлось. Строго говоря, единого центра по исследованию народной словесности в то время в России не существовало. На наш взгляд, подобное положение никак не может считаться каким-либо недостатком или пороком науки рубежа столетий. Децентрализация фольклорного дела, несомненно, имела свои преимущества. Многочисленные научные учреждения прекрасно сосуществовали в одном фольклористическом пространстве, не подменяя друг друга, не дублируя цели и задачи, но, напротив, дополняя одно другое, объединяя вокруг себя не только академических и университетских профессионалов, но и, самое главное, провинциальных любителей “живой старины”. Система научных обществ, которая охватывала всю Россию, предоставляла провинциальной интеллигенции полноценное духовное общение, помогала реализовать свои знания и увлечения в делах, полезных для страны. Без сомнения, отечественная фольклористика выглядела бы намного беднее, если бы в ее истории не было страниц, связанных со скромными именами ярославца А.Балова, воронежца М.Дикарева, вологжанина П.Дилакторского и т.д. На почве любительской фольклористики созревали и по-настоящему выдающиеся ученые, такие, например, как Н.Е.Ончуков.

Многочисленности научных учреждений, занимавшихся фольклорно-этнографической проблематикой, в предреволюционной России вполне соответствовала существовавшая тогда печатная база. В Академии

Н.А.Янчук – соредaktor (вместе с В.Ф.Миллером) “Этнографического обозрения”. Фольклорный архив ИРЛИ. Коллекция П.К.Симонови.





Н.Е.Ончуков

наук материалы и исследования по устной народной словесности печатались на страницах "Сборника Отделения русского языка и словесности". В Русском географическом обществе аналогичную роль играли "Записки по отделению этнографии"; в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии – "Труды этнографического отдела"; в Киеве – "Чтения в Историческом обществе Нестор-летописца" и т.д.

В 1889 г. при ОЛЕАиЭ был создан журнал "Этнографическое обозрение", а годом позже РГО стало инициатором рождения "Живой старины". С этого времени и вплоть до 1917 г. фольклористы получили возможность обсуждать свои проблемы на страницах сразу двух периодических изданий. А ведь помимо этих журналов статьи по проблемам народной культуры охотно публиковались в "Известиях ОРЯС", "Журнале Министерства народного просвещения", "Вестнике Европы", "Историческом вестнике", "Русской мысли", "Русской старине", "Русском филологическом вестнике" и множестве других изданий. Серьезные научные работы в области фольклора и этнографии можно найти и на страницах газет. Разветвленная сеть периодически издаваемых журналов и газет, открытых для фольклорно-этнографической тематики, обеспечивала оперативность публикаций. Если сравнивать состояние изданий по фольклористике на рубеже XIX–XX вв. с тем, что мы имели на протяжении последних 75 лет, то и здесь мы с грустью должны позавидовать нашим предшественникам. Советская фольклористика ни на одном из этапов развития так и не смогла создать печатного органа, который мог бы по своему значению равняться "Этнографическому обозрению" или "Живой старине".

Многообразными были и формы деятельности фольклористов. В конце XIX – начале XX в. наука имела уже прочные традиции в собирании народной словесности, существовал большой опыт просветительской работы, была осознана необходимость создания информационной базы и, наконец, велись интенсивные исследовательские разыскания в разных областях народной культуры. Все названные формы фольклористической работы в свою очередь демонстрируют нам полифонию направлений, методов и задач.

Такая, например, сфера фольклористики, как собирание произведений народной словесности, включала несколько видов работы. Среди провинциальной интеллигенции большую популярность имели различного рода программы и руководства по записи фольклора, рассылаемые в разные уголки страны Русским географическим обществом, Этнографическим бюро князя Тенишева, Музыкально-этнографической комиссией и Комиссией по народной словесности ОЛЕАиЭ, а также другими учреждениями. Эти программы мобилизовывали местных любителей "живой старины" и помогали развитию стационарных наблюдений.

Журналы "Живая старина" и "Этнографическое обозрение" в значительной части составлялись по материалам, присланным непрофессионалами из глухих уголков России. Но "большая" фольклористика – и это надо четко осознавать – с конца XIX в. делалась уже не любителями на местах, а профессионалами. Чуть ли не ежегодно Русское географическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Второе отделение Академии наук отправляли в разные уголки страны свои экспедиции. Для предреволюционной фольклористики они стали уже привычной формой работы, причем фольклорные "экскурсии" (термин того времени) были весьма разнообразными по своим целям и задачам. Каждый год Песенная комиссия РГО в составе Ф.М.Истомина, Г.О.Дютша, С.М.Ляпунова, И.В.Некрасова организовывала поездки за песенным фольклором. В этих экспедициях обязательно участвовали музыковед и словесник. ОЛЕАиЭ при материальной поддержке ОРЯС провело ряд экспедиций в Архангельскую губернию, приведших к открытию мощных эпических традиций в Поморье, на Зимнем берегу, Пинеге, Кулое и Мезени (А.В.Марков, А.Д.Григорьев, А.Л.Маслов). В 1990-е гг. состоялись экспедиции Д.К.Зеленина в Вятскую и Пермскую губернии с целью записи сказочного материала. Наконец, предреволюционная фольклористика сформировала еще один тип фольклорных экскурсий – экспедиций, поставивших задачу всестороннего изучения устно-поэтического репертуара данной местности. Именно таковыми были поездки 1908–1909 гг. братьев Б.М. и Ю.М.Соколовых в Белозерский край.

Сравнение предреволюционного этапа в собирании устного народного творчества с советским периодом опять-таки оказывается не всегда в пользу последнего. На чашу весов советской науки, несомненно, кладется масштабность собирательской работы, но сводятся по сути дела к нулю стационарные наблюдения, что, безусловно, обеднило фундаментальную науку.

Предреволюционную фольклористику отличает еще одна характерная черта. Она не замкнута в академических сферах и интегрирована в общекультурную жизнь страны. Просветительские задачи в концепции науки того времени занимают принципиально важное место. Организация публичных лекций, концертов народных сказителей и коллективов, создание хоров, утверждение фольклорного репертуара на профессиональной эстраде – всеми этими проблемами занимались не только отдельные любители

тели-энтузиасты, артисты, музыканты, но и авторитетные научные учреждения и фольклористы-профессионалы. Можно назвать ОЛЕАиЭ с его Музыкально-этнографической комиссией, которая ввела в культурную жизнь Москвы концерты профессиональных певцов, исполнявших обработки народных песен. При поддержке РГО в конце XIX – начале XX в. любитель “живой старины” из Олонечкой губернии П.Т.Виноградов организует гастроль выдающихся народных сказителей И.А.Федосовой и И.Т.Рябинина. В 1915 г. видные фольклористы-профессионалы Б.М. и Ю.М.Соколовы помогают эстрадной артистке О.Э.Озаровской в проведении концертов М.Д.Кривополеновой; одновременно они становятся инициаторами приглашения на сцену юного Б.В.Шергина, носителя архангельской эпической традиции.

Концертные подмостки были не только местом, где фольклористика реализовывала просветительские задачи, но и одним из путей, ведущих людей в академическую науку. Именно таким образом пришла в фольклористику Е.Э.Линева, сначала организовавшая в 1892 г. (будучи в эмиграции в Америке) русский хор, а затем в России ставшая деятельным экспедиционером, собирателем песенной лирики. Через эстрадные концерты лежал путь и О.Э.Озаровской. Первое ее соприкосновение с фольклором – это исполнение песен и сказок на эстраде, затем были поначалу любительские экспедиции, знакомство с М.Д.Кривополеновой, организация ее гастроль в городах России, книжка “Бабушкины старины” и наконец, уже в послереволюционный период, серьезные поездки по Русскому Северу, приведшие к серии публикаций в научных журналах и к сборнику “Пятиречье”.

Таким образом, магистральной дорогой в науку была университетская скамья, но видных ученых рождала и любительская фольклористика и даже эстрадно-концертный мир. Существовал и еще один путь в большую фольклористику – политическая ссылка. Программы и руководства по собиранию произведений народной поэзии явились настоящим якорем спасения для многих представителей русской интеллигенции, оказавшихся не по своей воле в местах, не столь отдаленных. Через ссылку пришли в большую фольклористику В.Г.Богараз-Тан, А.А.Макаренко и др.

Однако вернемся к началу нашей статьи. Главным в науке начала XX в. мы считаем полифонию исследовательской мысли. В одном фольклористическом пространстве сосуществовало несколько течений, и каждое из них имело свой предмет в народной поэзии, осознанный порой достаточно дискретно от других. Историческая школа занималась исключительно песенным эпосом. Этнологическое направление, представленное в российской фольклористике работами Д.К.Зеленина, обратилось к обрядовой жизни народа и поверьям, сопровождающим обряды. В сферу науки впервые, помимо вербальной стороны устно-поэтических произведений, по-настоящему серьезно были включены и действия, ритуалы носителей фольклорной традиции.

Собиратели монументальных жанров (былин, сказок) сосредоточивались на фигуре ис-

полнителя. Историко-географическое направление (“финская школа”) в лице еще только начинающего долгий путь в науке В.Андерсона демонстрировало эрудицию в знании мирового фольклора и тончайший инструментарий в выделении отдельных редакций того или иного “бродячего” сюжета. Е.В.Аничков, преданный ученик А.Н.Веселовского, пытался осмыслить проблемы фольклора с позиций теории эстетики. Он подходил к народной поэзии с “большой” высоты, вписывая устную словесность в масштабные проблемы происхождения художественного словесного искусства.

Научные идеи не подавляли друг друга, не вытесняли одна другую; каждая из них имела возможность свободного развития. Ни одно из течений, сколь бы ярким и мощным оно ни было, не претендовало на роль “абсолютной истины”. Конечно, отдельные направления вступали в спор, пытались отстоять свои идеи. Но, к счастью для науки, тогда, в начале XX в., подобные дискуссии не получали регламентирующего характера. Любопытным примером таких споров может стать одна малоизвестная страница в истории нашей фольклористики: неопубликованная рецензия А.В.Маркова на книгу Д.К.Зеленина “Очерки русской мифологии” (текст рецензии остается нам неизвестным) и отклик на эту рецензию В.В.Богданова (гранки отклика сохранились в Санкт-Петербургском отделении Архива Академии наук – ф. 839, оп. 3, ед. хр. 89).

А.В.Марков, судя по всему, отнесся к монографии Д.К.Зеленина весьма критически. Его, воспитанного в рамках исторической школы, предлагавшей для осмысления фольклорного (былинного) материала стройную обобщенную концепцию, раздражало в работе Д.К.Зеленина кажущееся отсутствие единой теории. Богатейший материал, собранный Д.К.Зелениным, по мысли А.В.Маркова, не был обобщен. В.В.Богданов воспринял данные принципиальные методологические разногласия между А.В.Марковым и Д.К.Зелениным как различия между ученым-филологом и ученым-этнологом. Критику А.В.Маркова он назвал “филологическим походом на этнолога”.

Фокусирование внимания на сюжете, историческое рассмотрение повествовательного мотива во времени, в географическом пространстве, в разных этнических традициях – вот что ставилось фольклористами-филологами во главу



В.И.Ламанский. Фольклорный архив ИРЛИ. Коллекция П.К.Симоны.



*Е.Э.Линева и ее хор.
Фольклорный архив
ИРЛИ. Коллекция
П.К.Симони.*

угла, сколь бы они ни отличались в своих подходах к явлениям фольклора. Для фольклористов-этнологов сюжет (и жанры, где сюжет является главенствующим) отодвигался на второй план. Основное внимание приковывалось к обряду. Фольклорная культура в сознании этнологов получала качественно иное содержание. Под сомнение ставились многие традиционные подходы к фольклору как таковому. Например, в конце 10-х – начале 20-х гг. в некоторых университетах курс устной народной словесности стали читать не на историко-филологических факультетах, а на этнографических отделениях географических факультетов.

Наконец, плюралистичны взгляды внутри каждого из течений. Ярким примером может послужить все та же историческая школа. Общеизвестно, что по поводу одного и того же сюжета ее представители зачастую предлагали прямо противоположные толкования, приурочивая его к разным историческим эпохам и лицам. Возникали и споры более принципиального характера. Например, В.Ф.Миллер в работах, относящихся ко второму и третьему тому его «Очерков», выдвигал на первый план значение XVI–XVII вв. как периода, сыгравшего важную роль в окончательном оформлении русского эпоса. Эту его точку зрения поддерживали С.К.Шамбинаго и Б.М.Соколов. Кстати, в советской фольклористике последнего почему-то принято причислять к оппонентам В.Ф.Миллера, но Б.М.Соколов никогда не выдвигал кардинальных возражений против маститого представителя исторической школы. А вот А.В.Марков, любимый ученик В.Ф.Миллера, действительно был его вечным оппонентом. Он полагал, что эпоха окончательного сложения русского былевого эпоса относится к XIII–XIV вв., ко времени татарского нашествия. И принципиально важную роль в этом процессе отводил Новгородским землям,

подчеркивая вольнолюбивый, демократический характер Господина Великого Новгорода по сравнению с деспотической Москвой XVI–XVII вв.

Предреволюционная фольклористика аккумулировала в себе огромный потенциал исследовательской мысли, такой, что даже хаос гражданской войны не смог его разрушить. Да, были уничтожены многие организационные структуры науки, подорвана полиграфическая база, эмигрировали некоторые видные ученые (Е.В.Аничков, В.Н.Андерсон, А.Д.Григорьев и др.), но полифония идей – главное, что обеспечивало полноценное развитие науки, – в фольклористике 20-х гг. сохранилась. Более того, наука первого послереволюционного десятилетия была способна формировать содержательные новые направления, такие как формальное (вспомним знаменитую статью Б.М.Соколова «Эксперименты в область поэтики русского фольклора») или структурно-типологическое («Морфология сказки» В.Я.Проппа).

Положение в фольклористике существенно изменилось в 30-е гг. Тоталитарный режим привел к идеологическому диктату, исключавшему плюрализм мнений во всех сферах жизни. В фольклористике появились тенденции к упрощению, а это неизбежно вело к кризису науки. Отечественная фольклористика по сути дела находилась на протяжении трех десятилетий в состоянии кризиса. И лишь с конца 50-х гг. началось медленное возвращение науки к полифоническому звучанию. Сегодня перед русской фольклористикой открываются новые перспективы. И обращение ученых к опыту науки начала XX в. к периоду, который мы склонны рассматривать как одну из вершин ее развития, может помочь в обретении новых ориентиров для дальнейшего поступательного движения исследовательской мысли в области изучения народной культуры.